

Евгения Попклетнова

Царя Вильярионов
Сердце Новеллиста

Светлана Подклетнова

Сага Вильярионов:

Сердце повелителя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73298708

SelfPub; 2026

Аннотация

С детства наследную принцессу Лиру преследует чувство, что часть её души куда-то потеряна. Тень тоски и странные сны – её тихие спутники, пока однажды её взгляд не встречается с глазами молчаливого слуги по имени Ленн. Эта встреча пробуждает в ней необъяснимое и опасное притяжение.

Ленн – больше, чем кажется. Под маской скромного сироты скрывается тайна, способная перевернуть судьбы двух враждующих королевств. Его прошлое – это тёмное пятно, а будущее – ловушка, расставленная узурпатором, правящим в соседнем Моркрауне.

Когда политические интриги заставляют Лиру сделать выбор, способный навсегда сковать её свободу, судьба вновь сталкивает её с Ленном. Вместе они вступают в опасную игру, где ставкой являются не только их жизни, но и мир между государствами.

Это история о любви, которая оказалась началом войны. И о войне, которая может закончиться только там, где начинается настоящая любовь.

Содержание

ПРОЛОГ. Тайный ритуал	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ИСКРА	10
Глава 1. Взгляд, который запомнился	10
Глава 2. Тень, которая манит	21
Глава 3. Незримое прощание	27
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ТОСКА	35
Глава 4. Узоры из пыли	35
Глава 5. Беспокойная кровь	40
Глава 6. Исповедь отцу	46
Глава 7. Ловушка правды	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сага Вильярионов: Сердце повелителя

ПРОЛОГ. Тайный ритуал

Тишина в Зале Предков в тот вечер была особой. Живой и густой – будто сами камни, повидавшие рождение и гибель династий, затаили дыхание. Последний луч солнца застыл на краю алтаря, и в этой внезапной, звенящей паузе началось то, что должно было переплести две судьбы в одну.

Двое мужчин стояли друг напротив друга у центрального алтаря.

Король Элиан Вильярион, высокий и прямой, в походном тёмно-синем плаще, держал на руках своего сына – двухлетнего Леонарда. Мальчик, утомлённый долгой дорогой и чужими запахами, сонно посапывал, уткнувшись носом в отцовскую шею.

Его старый недруг, король граничного государства, Орлан Элевейнский, в богатых парадных одеждах, осторожно прижимал к себе дочь, которой в этот день исполнился месяц. В отличие от спящего принца принцесса Лира, завернутая в отороченную кружевом шёлковую пелёнку, бодрствовала. Она тихо агукала, разглядывая переливы света на потолке.

Между ними на древнем каменном алтаре лежал тонкий

серебряный нож и две небольших чаши из полированного дуба.

– Этот ритуал объединит оба наших королевства нерушимым мирным договором, – голос Элиана звучал необычно низко. Он не сомневался в том, что сейчас собирался сделать, но всё же в его голосе можно было расслышать чуть слышные нотки печали. – И это навсегда.

– Так должно быть, – твёрдо ответил король Элевейна. – Мир висит на волоске. Твой брат – Кассиан... – он не договорил, но Элиан кивнул, словно без слов услышал продолжение. – Этот союз должен быть крепче договоров. Крепче клятв. Он должен быть частью самой ткани мира. Чтобы, если тёмные времена настанут, у наших королевств остался живой мост. Из наших плоти и крови.

Сбоку, из тени колонны, за ними наблюдал герцог Тарриан. Верный слуга Элиана Вильяриона, сегодня он не был участником, лишь стражем и тайным свидетелем. Его лицо оставалось непроницаемой маской солдата, но взгляд, который он устремлял на спящего Леонарда, выдавал всё: безграничную преданность и зудящее где-то глубоко нехорошее предчувствие.

Архимаг Элмон, старейший и самый уважаемый маг обоих королевств, шагнул вперёд. Он поднял с алтаря ритуальный нож. И начал уже, наверное, сотню раз отрепетированную речь:

– Кровь принца за Моркраун, – его тихий голос заполнил

весь зал. Элиан, не колеблясь, протянул маленькую ладошку сына. Лёгкий, точный надрез. Несколько алых капель упало в одну из чаш. Сонный всхлип мальчика мгновенно затих, когда король Вильярион одним жестом заставил ранку на руке сына затянуться. Тот даже не проснулся.

Новая фраза достигла каждого уголка храма:

– Кровь принцессы за Элевейн, – и алая жидкость пролилась в соседнюю чашу.

Новый заживляющий жест – принцесса не успела почувствовать лёгкого укола.

Элмон взял первую чашу и поднёс её к Лире. Осторожно, влажным краем, коснулся её губ. Девочка сморщилась, выразив тихое, недовольное «пфф», но не заплакала.

– Кровью Моркрауна ты отмечена, дитя. Да познаешь ты силу его земли и тяжесть его короны.

Затем пришла очередь второй чаши и принца Леонарда. Мальчик во сне облизнулся, когда холодное дерево коснулось его рта.

– Кровью Элевейна ты отмечен, дитя Моркрауна. Да познаешь ты мудрость его небес и глубину его корней.

Потом архимаг сделал то, ради чего всё затевалось. Он соединил две чаши, вылив их содержимое в одну общую, серебряную. Две струйки крови слились в одну. И Элмон начал говорить. Слова были древними, гортанными, и с каждым слогом воздух в зале становился плотнее, звенел тихим, высоким звоном, будто кто-то водил пальцем по краю хру-

стального бокала.

Смешанная кровь в чаше слабо светилась. И... *густела*. Переставала быть просто жидкостью. Она медленно, против всех законов, поднялась по стенке сосуда тонкой, двойной спиралью, как два стебля плюща, решивших расти как одно целое.

– *Винктус этэрнум. Сангвис ад сангвинем. Анима ад анимама*¹. – *речитативам произносил архимаг. – Фатум вэструм унум эст. Нихиль пратэр мортэм хок сольвэт*².

На мгновение спираль застыла, а потом поднялась в воздух, растянувшись тончайшей нитью. Один конец которой потянулся к сердцу мальчика, а другой – к тельцу младенца, навеки связывая их воедино. Нить медленно растворилась в воздухе. Звон стих. Тишина вернулась, но теперь она была иной – насыщенной, завершённой.

Элмон отложил чашу. Он выглядел уставшим и, словно постаревшим лет на десять.

– Готово, – сказал он просто. – Они связаны. Эти дети обручены – не политическим альянсом, жизнью. Когда они вырастут, их будут тянуть друг к другу. Сначала как тень на краю зрения. Потом как зов родного дома. Это станет их силой и их испытанием.

Элиан взглянул на сына, потом на крошечную Лиру. В его глазах светились решимость и горечь.

¹ Связь вечная. Кровь к крови. Душа к душе.

² Ваша судьба едина. Ничто, кроме смерти, не развяжет этого.

– Тарриан, — позвал Вильярион верного слугу.

– Да, Ваше Величество! – выступил герцог из тени.

– Ты уже чуешь, что задумал Кассиан...

Тарриан открыл было рот, чтобы ответить, но король остановил его жестом руки.

– Если это случится ночью, – слова тяжёлыми гирями падали на сердце герцога, – бери Лео и уводи – живым. Жизнь наследника намного важнее моего спасения. Теперь лишь в нём будущее нашего королевства. И... Позаботься о нём, Тарриан, – добавил он негромко, но так, что слова прозвучали как приказ. – И... о ней тоже. – Король кивнул на принцессу. – Они теперь – две половины одного целого.

Тарриан молча склонил голову.

Долгий, тяжёлый взгляд Орлана остановился на Леонарде.

– Я дам ей всё, чтобы она была достойной этого союза, Элиан. Клянусь.

Через час король Вильярион уже мчался на восток, к своим беспокойным границам и брату, в чьих глазах он уже давно замечал разгорающийся огонь предательства. Он, как мог, обезопасил сына. Он оставил ему семя будущего, зарытое в чужой для него самого, но отныне должной стать родной для Леонарда земле.

А в Зале Предков Орлан ещё долго стоял, глядя в лицо дочери. Лира, наконец, уснула, утомлённая необычной ночью. Её крошечная рука высвободилась из пелёнок и легла поверх одеяла. Туда, где заканчивалась теперь незримая нить, про-

тянувшаяся от сердца принца соседней державы.

Ветер за стенами цитадели приносил с востока запах грозы. Но в зале было тихо – тише, чем в могиле. И эта тишина всё ещё несла в себе призрачные звуки древнего языка богов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ИСКРА

Глава 1. Взгляд, который запомнился

– Принцесса Лира, если бы вы были королём Элриком Четвёртым, а я – послом враждебного Таргала, как бы вы скрыли подготовку к вторжению, продолжая уверять меня в мире?

Магистр Торин смотрел на меня поверх своих очков, сложив пальцы домиком. Его седая и ухоженная борода, казалось, тоже ждала ответа. Мы были в Зимней библиотеке, там, где солнечный свет, просачиваясь сквозь витраж, рисовал на дубовых столах дрожащие синие и алые пятна.

Я отложила перо, обмакнутое в чернила. На листе уже змеились мои заметки: «Дипломатия Элрика IV: контекст, союзники, слабые стороны». Урок подходил к концу, а магистр всегда заканчивал моё обучение каверзным вопросом, проверяя не знание дат, а гибкость ума.

– Во-первых, я бы начала активно жаловаться на неурожай в приграничных землях, – начала я, глядя в пустоту перед собой, где представляла карту. – Чтобы оправдать перемещение обозов с «продовольствием». Затем... организовала бы серию мелких пиратских набегов на собственные же дальние торговые суда, но обвинила бы в этом нейтральные

княжества. Это создало бы шум и отвлекло внимание. А настоящее войско собрала бы под видом масштабной осенней охоты в лесах под Халдарским ущельем. Там и рельеф подходящий, и дороги ведут прямо к таргальской границе.

Магистр с секунду молчал, а потом уголки его губ дрогнули.

– Коварно. Стратегически грамотно и абсолютно бессовестно. Вы бывали на тех осенних охотах?

– Нет. Но я читала отчёты лесничих и военные логистические трактаты отца, – пожала я плечами. – Там всё написано. Грунт, пропускная способность дорог, места для лагеря.

Торин коротко и сухо рассмеялся.

– Ваше высочество, вы – отрада для учителя и головная боль для будущих врагов королевства. На сегодня достаточно. Не забудьте про сочинение о торговом договоре с архипелагом Азорис. Три пергаментных свитка, не меньше.

– Пять, – автоматически поправила я, собирая свои вещи. – Иначе не раскрыть тему влияния сезонных муссонов на ценообразование.

Фрейлина Элоди, дремавшая на стуле у камина, вздрогнула и открыла глаза. Она была милой, но её интересы редко простирались дальше сплетен и новых фасонов платьев.

– Урок окончен? Слава небесам! Лира, дорогая, тебе нужно выбрать ленты к новому платью. Принесли образцы: персиковые, лавандовые...

– Синие, – перебила я, ожидая, пока фрейлина покроет

мои плечи лёгкой накидкой. – Как штормовое небо. Или серые, как сталь.

– Серые? Для девочки? – Элоди ахнула, будто я предложила надеть доспехи. – Это же так мрачно!

– Зато практично. На сером не так заметна пыль от старых книг и брызги чернил, – парировала я, уже направляясь к двери. Элоди засемила следом, продолжая бормотать что-то о «королевском шике».

Я улыбалась. Мне нравились эти утренние уроки. Мир в книгах и стратегиях был логичным, сложным, но постижимым. В нём всё имело причину и следствие. В отличие от, скажем, правил этикета на балах или необходимости носить туфли, которые несносно жали.

Весь мой день был расписан до минуты. Так что через несколько часов я уже стояла рядом с отцом на церемонии открытия нового купола в ботаническом саду. Моё платье цвета морской волны было прекрасно, но воротник, отороченный кружевом, намертво впивался в шею. Я улыбалась, как учили: уголки губ чуть приподняты, взгляд спокойный и немного отстранённый. Я мысленно повторяла имена и титулы: герцог, посол, купеческая гильдия... А потом мой взгляд упал на него.

Он стоял позади герцога Тарриана, держа его плащ. Мальчик. Старше меня, наверное, года на два, но всё равно – мальчик. В простой серой тунике, слишком большой для него, с опущенной головой. Совершенно обычный слуга.

Но я не могла отвести от него взгляда.

И в груди у меня что-то ёкнуло – резко и странно, будто там спрятали маленькую птичку, и она внезапно дёрнула крылом. В ушах отозвался звон, тихий-тихий, будто кто-то вдалеке стукнул по хрустальному бокалу.

Он стоял совершенно неподвижно, и в этой неподвижности казался... настоящим. Не таким, как все вокруг – не размазанным краской на фоне праздника. Он был чётким, как контур на пергаменте. Даже его серая туника казалась мне красивее всех этих вышитых золотом камзолов. В ней была правда. Простая, как хлеб, правда.

Я смотрела на его руки, держащие тяжёлый плащ. Пальцы у него были длинные, но не изящные, а сильные. На костяшках виднелись маленькие шрамы и ссадины. Он работает, подумала я, – по-настоящему. А я в это время учусь правильно кланяться.

И вдруг... он поднял глаза.

Не на отца, не на герцога. На меня.

Время остановилось окончательно. Весь шум – смех, разговоры, звон бокалов – ушёл куда-то вдаль. Я оказалась словно под водой. Я видела только его глаза.

Они были не серыми, как у меня. Они были цвета грозового неба над морем – тёмно-синие, с зелёными искорками и золотыми крапинками вокруг зрачков, словно кто-то рассыпал в них солнечную пыль. Как я это разглядела издалека? Не знаю. Но главное – не цвет, а взгляд.

В нём не было ни страха, ни подобострастия, ни даже любопытства. В его взгляде была... тишина. Глубокая, серьёзная, взрослая тишина. Он смотрел на меня и видел. Не принцессу в дорогом платье. Мне показалось, за всей этой мишурой он разглядел меня – Лиру. И в этом его взгляде было странное понимание – будто он знал, как неудобен мой воротник, как устала улыбаться моя щека, как мне скучно среди всей этой роскоши.

А ещё в его глазах было что-то знакомое. Нет, не знакомое, но... родное. Будто я смотрела не на чужого мальчика-слугу, а на старое, забытое эхо самой себя. В груди птица снова дёрнула крылом, больно и сладко одновременно.

Длилось это меньше секунды. Он опустил глаза, снова став тенью, частью свиты. Но удар остался. Я стояла, улыбаясь, а внутри у меня всё дрожало и звенело. Я не могла вспомнить ни одного слова из речи, которую только что кто-то произносил. Не помнила, как отец взял меня за руку.

– Лира, ты в порядке? – тихо спросил он, когда мы пошли к выходу. – Ты побледнела.

– Я... я просто задумалась, – выдохнула я, сжимая его руку. – Папа, а кто этот мальчик? Тот, что с герцогом Таррианом?

Отец на мгновение задумался.

– А, Ленн, кажется. Сирота. Тарриан подобрал его где-то на границе, из милости. Почему спрашиваешь?

Милость. Это слово зазвучало фальшиво. Я видела, как

Тарриан мельком взглянул на мальчика. Это не был взгляд милостивого господина. Это был взгляд стража. Тяжёлый, внимательный, будто он сторожил что-то хрупкое и бесценное.

– Он... не похож на других слуг, – пробормотала я.

Отец улыбнулся, потрепал меня по волосам.

– Тарриан воспитывает его строго, как солдата. Не трать на него мысли, солнышко. У тебя завтра урок с магистром Торином, готовься.

Я кивнула. Урок. Дипломатические уловки времён правления короля Элрика IV. Я обожаю историю, но сейчас мысль об этом вызывала только тошноту.

Весь вечер я ходила по своей комнате, не находя покоя. Пыталась играть на арфе – пальцы путались в струнах. Пыталась читать – буквы плясали перед глазами. Я всё время видела его – его глаза, его тишину.

Я подошла к зеркалу, встала ровно, как следует стоять принцессе.

– Лира, наследная принцесса Элевейна, – прошептала я своему отражению. Обычно это помогало собраться. Сегодня – нет.

Сегодня из зеркала на меня смотрела просто девочка. Смущённая, взволнованная, с тлеющим в глубине серых глаз странным огоньком.

Он слуга. Я принцесса. Между нами – целый мир, выстроенный из правил, долга и ожиданий. Это невозможно. Это

смешно. Это... страшно.

Но когда я перед сном закрыла глаза, то снова увидела его взгляд. И в груди снова отозвался тот тихий, чистый звон. Не страх, не тревога – зов.

И я поняла самую страшную вещь: я хочу увидеть его снова. Больше всего на свете.

Ощущение этого зова не отпустило и на следующее утро. Я металась по моим покоям, как леопард в клетке зверинца. Пальцы вновь путались в струнах арфы, выводя какую-то какофонию. Книга о договоре с Азорисом лежала раскрытой, но буквы в моей голове упрямо не складывались в слова. Там – в голове – поверх дипломатических манёвров короля Элрика, чётким контуром стоял он. Мальчик. Ленн.

Подобранный из милости сирота? Почему-то я не верила в это. Я видела взгляд Тарриана. Это был не такой взгляд, которым смотрят на того, кого взяли из милости. Таким взглядом смотрят на меня фрейлины или... учитель Торин. Хотя, может быть, я ошибаюсь. Его Величеству, моему батюшке, точно об этом известно лучше.

Я остановилась у окна, глядя, как зажигаются первые огни в нижнем городе. Что я о нём знаю? Ничего. Меня учат собирать информацию, анализировать, делать выводы. Я скривилась – информации у меня об этом мальчике нет. Только то, что сказал мне папа. Но моё сердце отчего-то не хочет верить в его слова – все эти взрослые слова вдруг показались глупыми. Внутри всё вновь зазвенело. Улыбка расплзлась

по моему лицу. Я знаю, что я сейчас сделаю!

Я схватила чистый лист и уголь. Не чтобы что-то понять. А потому что его лицо – самое интересное, самое важное, что я видела за весь день. И я хотела, чтобы оно осталось тут, на бумаге, где я могу на него смотреть.

Закрыв глаза, я попыталась заставить дрожащие линии сложиться в то лицо. Конечно, я не смогу нарисовать его портрет так, как рисует наш придворный художник. Он – истинный маэстро, я – нет. Но я всё же попробую: прямые, чуть нахмуренные брови, миндалевидный разрез глаз, голова... чуть наклонена, словно прислушивается к чему-то. Уголки рта, которые, кажется, никогда не улыбались. Мои пальцы выводили контур – небрежный, но живой. На полях я нацарапала: «глаза – шторм с золотом», «руки сильные», «тишина вокруг него».

Я задумалась. Почему он у Тарриана? Герцог – воин, правая рука покойного короля Элиана, а не благотворитель. Он не берёт бесполезных людей. Значит, мальчик ему чем-то полезен. Или... ценен. Сирота с границы... Границы с каким королевством? С Моркрауном. Откуда родом Тарриан...

Мысль ударила, как молния. Я подошла к книжным шкафам, к полке с современными хрониками. Там была тоненькая, редко упоминаемая книга: «Дом Вильярионов: исторические хроники». Я достала её, чувствуя лёгкую дрожь в кончиках пальцев. Я знала эту историю в общих чертах: ночное нападение, гибель короля Элиана. Регенство его брата, в

трудные годы спасшее государство. Я думала... У меня вырвался грустный вздох. Нет – детей у Элиана не было.

Тогда остаётся что? Должно быть, этот мальчик – сын кого-то из соратников герцога. Скорее всего, сирота. Может, даже сын того, кто погиб, защищая короля.

Я листала страницы, ища упоминания о Тарриане. Вот: «...герцог Тарриан, верный вассал, также был объявлен погибшим, но тело не найдено... Предполагается, что он пал, пытаясь вынести тело короля...»

Но он не пал. Он здесь. И у него есть мальчик. Мальчик, чей возраст... Я замерла, прикидывая. Ему было около двух лет в момент убийства короля Элиана. Тогда, может, он даже не простолюдин...

Это была безумная догадка. Слишком смелая, чтобы быть правдой. И слишком логичная, чтобы быть случайностью. Дворянский сын, скрывающийся под видом слуги в Элевейне? Хотя зачем? Нелогично!

Но в груди снова отозвался тот странный, сладкий укол. Звон в ушах, такой тихий, что, может, его и не было. Но чувство было – необъяснимое, настойчивое.

Я отложила книгу. Нарисованный мной портрет смотрел на меня с угольными глазами. Я взяла другой лист и написала сверху: «Ленн – кто ты на самом деле?»

После падения короля Вильяриона Тарриан начал работать на мою страну...

У-у-у! Сейчас моя голова превратится в кипящий ведь-

мин котёл. Как же всё сложно! И... Моя странная реакция на этого мальчика. Почему?

Главное: что делать дальше?

На последний вопрос ответ пришёл сам собой, простой и пугающий. Я буду наблюдать. Изучать. Молчать. Если моя догадка верна, то это не игра, а настоящая тайна, от которой зависят жизни. И моя жизнь – тоже какая-то часть этой тайны.

Я подошла к зеркалу.

– Лира Орланова, наследная принцесса Элевейна, – прошептала я. Но сегодня это заклинание не сработало. Сегодня в глазах девочки из зеркала горел азарт исследователя, нашедшего первую нить в тёмном лабиринте.

Я спрятала рисунок в потайное отделение ларца для драгоценностей. Рядом с безделушками детства теперь лежала моя самая страшная тайна.

Когда я легла в постель, я снова вспоминала его взгляд. И мне показалось, что эта тишина в его глазах – не пустота. Это глубина. Глубина человека, который уже многое повидал и научился не показывать, что чувствует. Как я на приёмах. Только его маска была куда прочнее моей.

Я принцесса. А он... Эх! Если бы он был принц. Но – нет. Между нами – пропасть из тайн, долга и чужих ожиданий.

Но когда я закрыла глаза, я снова услышала тот тихий звон. И поняла, что вовсе не хочу от него отделаться. Я хочу понять, что он значит. Даже если это опасно. Даже если

это... судьбоносно.

И... я снова хочу увидеть его.

Глава 2. Тень, которая манит

Следующие дни превратились в странную игру. Игру, в которой я стала одновременно охотником и добычей, а правила придумывала на ходу.

Сначала это было неосознанно. Я просто... искала вокруг себя всех, кто носил серое. Серая туника мелькала в конце коридора – и я замирала, будто заяц, учуявший волка. Серая спина склонялась над ведром с водой у конюшен – и мои ноги сами собой замедляли шаг. Каждый раз, когда я ловила этот оттенок на краю зрения, та самая птичка в груди вздрагивала, отзываясь щемящим толчком под самое сердце.

Потом я стала ловить себя на мысли: «А где он?»

Я сидела в кабинете архивариуса и слушала, магистра Торина, который разбирал причины Войны за Серебряные Рудники, а сама думала: «Сейчас час дня. Герцог Тарриан обычно в это время на тренировочных площадках. Значит ли это, что его слуга там же? Или он в кузнице? Или в архиве?» Мысли эти приходили сами, я их не звала, мало того, что не звала – я тут же гнала их прочь, чувствуя жар на щеках. Конечно, это было чудовищно глупо, даже неприлично. Ведь принцессе не подобает думать о слугах. Особенно о каком-то конкретном слуге.

Как-то вечером за ужином отец, заметив мою задумчивость, спросил:

– Солнышко, ты нахмурена, как стратег перед битвой. Слишком тяжёлые уроки? Или задания на дом непомерны?

Я заставила себя улыбнуться.

– Нет, папа. Просто... наблюдала за дождём. Интересно, сколько вёдер воды может унести один человек за раз?

Отец удивлённо поднял бровь.

– Специфический интерес для будущей королевы. Но, если память не изменяет, здоровенный грузчик на причале – штук восемь. Хотя нет – наверное обольётся. А вот твой старый отец в молодости – максимум четыре, и то если очень попросить.

Он подмигнул, и я на мгновение забыла о щемящей пустоте на душе.

На уроках я пыталась сосредоточиться. Но как только в зале воцарялась тишина, нарушаемая лишь скрипом пера магистра, мысли возвращались. Они были упрямее любых уроков. Ведь запретный плод, как часто повторяли мне учителя, сладок. И мой плод был одет в серую холщовую тунику.

Я начала придумывать предлоги.

«Мама говорила, что нужно знать, как живёт народ. Я пойду на кухню, посмотрю, как готовят обед для стражи. Это мой долг».

Я шла на кухню, где пахло дымом, травами и тёплым хлебом. Повара и служанки кланялись, их лица расплывались в подобострастных улыбках. Я вежливо кивала, спрашивала о сортах сыра или о новых поставках яблок, а глазами искала

его. Его там не было. Только суэта, пар от котлов и никакой тишины.

«Арфа звучит лучше в акустике пустых коридоров. Мне нужно потренироваться где-то, где меня не будут слушать постоянно докучающие фрейлины».

Я брала свою маленькую дорожную арфу и шла в западное крыло, мимо комнат для прислуги. Шла медленно, будто выбирая место. Из открытых дверей доносились обрывки разговоров, смех, звук точильного камня. Я вслушивалась в мужские голоса, ловила себя на том, что задерживаю дыхание, когда впереди показывалась чья-то спина. Но это всегда был кто-то другой. Более грузный, более сутулый, с иной походкой.

Разочарование было острым, как укол булавки. И тут же за ним приходил стыд. Что я делаю? Я брожу по служебным помещениям, как какая-то... Я даже слова такого не знала. В романах, которые я тайком читала, героини не вели себя так.

Однажды я увидела его. По-настоящему.

Я шла в библиотеку через внутренний двор. Шла быстро, потому что начинал накрапывать дождь. И вдруг – серая тень у колодца. Он набирал воду, ловко орудуя тяжелым ведром. Дождь уже сеял частой сеткой, серебряные капли застревали в его тёмных волосах.

Я остановилась – не смогла сделать ни шага. Он не видел меня, стоя ко мне спиной. Я смотрела, как под мокрой тканью работают мышцы на его спине, как он, закончив, с лёг-

костью поднял два полных ведра и пошёл – не к главному зданию, а к той самой старой башне, где жил Тарриан.

Он шёл не спеша, но уверенно. Его шаги были бесшумными даже на мокром гравии. Как у кошки. И в этой походке, в этой прямой спине, в этом немом принятии своей ноши была такая... завершённость. Он был целым миром сам по себе. Миром, в котором мне отчего-то не было места.

Птица в груди забилась так сильно, что я чуть не вскрикнула. Мне вдруг дико, до слёз захотелось, чтобы он обернулся. Чтобы он снова посмотрел на меня своими глазами цвета грозы. Чтобы в этом взгляде снова было то понимание.

Но он не обернулся. Сквозь пелену дождя его фигура растворилась в арке башни.

А я стояла под дождём, чувствуя, как капли стекают за воротник моего дорогого, вышитого платья. Оно промокнет, я простужусь, мама будет ругаться... Но я не могла сдвинуться с места. В горле стоял ком. Не от грусти. От чего-то другого. От осознания дистанции. Он ушёл в свою башню, в свою жизнь, сотканную из тяжелой работы и молчаливых обязанностей. А я осталась снаружи – в своей жизни из шёлка, уроков и ожиданий.

В тот вечер я впервые намеренно и осознанно солгала себе.

Лёжа в постели, шептала себе в темноте:

– Мне просто интересно. Интересно, как живут люди вне дворца. Он... он необычный. Все слуги такие... видимые.

Они суетятся, улыбаются, стараются угодить. А он – нет. Он как камень в ручье. Вода обтекает, а он стоит. Почему? Может, у него интересная история? Может, Тарриан учит его чему-то особенному? Мне просто интересно, как будущей правительнице, понимать своих подданных.

Звучало убедительно. Почти по-взрослому. Прагматично.

Но где-то глубоко внутри, под этим слоем рациональных объяснений, сидела правда. Маленькая, горячая, пугливая правда. И она не имела ничего общего с интересом к «пониманию подданных».

Она шептала всего два слова: «Он мой».

Этот шёпот был таким тихим, что его можно было не услышать. Таким страшным, что его хотелось немедленно задавить. Но он был.

С этого момента игра изменилась. Теперь я искала его не просто так. Я искала его, чтобы подтвердить существование этой правды. Чтобы поймать его взгляд и увидеть в нём – хотя бы на миг – отзвук того же безумия, что поселилось во мне.

Я стала чаще «сворачивать не туда» по дороге в библиотеку. Чаще «решать подышать воздухом» именно в том дворике, откуда был виден вход в башню Тарриана. Я научилась смотреть краем глаза, не поворачивая головы. Научилась различать его шаги среди десятка других – лёгкие, ровные, неспешные.

Он был тенью, которая манила меня из моего золотого ми-

ра. Тенью, в которой, как мне чудилось, было больше света и правды, чем во всех свечах бального зала.

И самая большая ложь заключалась в том, что я верила: всё это можно контролировать. Что это просто «интерес». Что однажды я удовлетворю любопытство и всё пройдёт.

Я верила в это. Я должна была в это верить. Потому что альтернатива – признать, что в десять лет я, наследная принцесса Элевейна, потеряла покой из-за взгляда мальчика-слуги, – была невозможна. Совершенно невозможна. Но от этого не переставала быть правдой.

Глава 3. Незримое прощание

Солнце. Оно светило так же ярко и безучастно, как в тот день, когда я впервые увидела его. Теперь его лучи казались мне колючими и назойливыми, они высвечивали каждую пылинку в воздухе и напоминали, что мир за окном живёт своей жизнью, в которой нет места моему странному смятению.

Фрейлина Элвис застегивала на мне утром платье с таким сосредоточенным видом, словно облачала статую для парада.

– Сегодня, Ваше Высочество, после занятий с магистром Торинном у вас запланирована прогулка в зимнем саду. Герцогиня Амелия хочет обсудить цветы для будущего бала.

Я кивнула, глядя в окно на безоблачное небо. «Он сейчас на тренировочном поле. Под этим солнцем. Или в кузнице, где ещё жарче». Мысль пришла сама, цепкая и неотвязная.

– Ваше Высочество? – фрейлина посмотрела на меня с лёгким укором. – Вы меня слушаете?

– Конечно, – автоматически ответила я. – Прогулка с герцогиней. Цветы. Я запомнила.

Как-то, когда магистр Торин говорил о дипломатических провалах – о том, как одно неосторожное слово, одно письмо, попавшее не в те руки, может разрушить удерживаемый десятилетия мир между двумя государствами, я слушала вполуха. Вместо карт с границами королевств я видела

карту Академии. И на ней – одну точку. Башню на северо-востоке.

– Принцесса, ваше мнение? – сухой голос архивариуса вывел меня из задумчивости.

Я вздрогнула. Я не слышала вопроса.

– Простите, магистр, я задумалась о... хрупкости договоров, – выпалила я первое, что пришло в голову.

Торин прищурился. Его взгляд, острый как шило, будто проткнул мою ложь насквозь.

– Хм. Интересно. А мне показалось, вы думаете о чём-то более... осязаемом. Впрочем, продолжим.

После урока я вышла в коридор. Яркий свет из высоких окон слепил. Прогулка с герцогиней Амелией казалась пыткой. Я не могла вынести мысли о том, чтобы час говорить о розах и пионах, в то время как *он* где-то здесь, в этом же здании, под одним со мной небом. Может, он сейчас вытирает пот со лба после тренировки. Может, точит клинок в прохладной полутьме арсенала. Может, просто стоит у узкого окна своей башни, глядя на те же облака, за которыми наблюдаю сейчас я.

«Нет, – сурово сказала я себе. – Это должно закончиться. Сегодня. Я принцесса. У меня есть долг. Я пойду на эту глупую прогулку, буду улыбаться и говорить о цветах».

Я сделала шаг в сторону зимнего сада. И тут услышала за спиной обрывок разговора двух служанок, вытиравших пыль с ваз:

– ...а Ленна-то, говорят, герцог сегодня в наказание на конюшню отправил. Весь день убирать навоз за лошадьми будет.

– За что?

– Да кто его знает. Задумался, что ли, на тренировке. Герцог строгий...

Всё. Все мои благие намерения рассыпались в прах. Сердце ёкнуло – не тревогой, а чем-то горячим и острым. Он наказан. Он один в пыльной, пропахшей потом лошадёй конюшне. В такую жару.

Я резко развернулась. Фрейлина Элвис, следовавшая за мной в трёх шагах, чуть не налетела на меня.

– Ваше Высочество? В зимний сад не этой ли дорогой...

– Я передумала, – сказала я, и голос мой прозвучал чересчур резко. – Мне... нужно проверить нового жеребца отца. Он прибыл вчера.

– Но принцесса, ваш наряд... такая жара... Да и герцогиня ждёт!

– Пусть подождёт! – вырвалось у меня. Я никогда не позволяла себе такого тона со слугами. Элвис отшатнулась, глаза её округлились. Я тут же пожалела, но отступить было поздно. «Он наказан. Он один». Эти слова мантрой стучали в висках. – Я просто быстро сбегая и вернусь. Не уходите далеко.

Я почти побежала по коридорам, срываясь с намеченного маршрута, как сорвалась с него моя воля. Я не думала о

последствиях. Я думала о том, чтобы увидеть его. Хотя бы краем глаза. Убедиться, что с ним всё в порядке. Это было глупо, безрассудно и совершенно необходимо.

Конюшни находились в дальнем конце каретного двора. Чтобы добраться туда, нужно было пересечь открытое пространство, залитое палящим солнцем. Я выбежала из-под арки, и жар обрушился на меня тяжёлой, удушающей волной. Пыль взметнулась из-под моих башмаков. Я бежала, не чувствуя ни духоты, ни того, как тяжёлое парадное платье прилипает к спине. В голове был только один образ: он, склонившийся над скребницей в полутьме.

Я ворвалась в длинное, пропахшее сеном, кожей и животным теплом помещение. Прохлада после улицы ударила в лицо. Несколько конюхов, копошившихся у стойл, обернулись и замерли с открытыми ртами, увидев раскрасневшуюся, запыхавшуюся принцессу с растрёпанными от бега волосами.

– Ваше... Ваше Высочество?..

– Я... я посмотреть на нового жеребца, – выдохнула я, пытаясь отдышаться и сделать вид, что так и было задумано. – Где он?

– В конце, в отдельном боксе, ваша милость, – пробормотал старший конюх. – Но вы же... может, отдохнёте сначала, воды попьёте?

– Нет, – коротко бросила я и пошла по проходу, стараясь не спотыкаться о разбросанную солому.

Он был здесь. Я почувствовала это ещё до того, как увидела. Воздух будто изменился, стал гуще. И тут я заметила его. В самом дальнем, тёмном углу, где чистили сбрую. Он оказался не один. С ним был герцог Тарриан.

Я замерла за стойлом, прижавшись к грубой древесине. Они не видели меня. Герцог говорил что-то тихо, но жёстко, тыча пальцем в разобранные удила. Ленн стоял, опустив голову, но не сгорбившись. Его спина была прямее, чем у любого придворного на балу. Он молча кивнул в ответ на слова Тарриана. Не оправдывался. Не ныл. Просто принял.

Тарриан что-то ещё сказал, развернулся и ушёл в другую сторону конюшни. Ленн остался один. Он вздохнул, почти неслышно, и поднял голову. Его взгляд упал на луч пыльного света, пробивавшийся сквозь зарешеченное окно. И на его лице, обычно таком сдержанном, я увидела... усталость. Такую глубокую, взрослую усталость, которая не должна быть на лице мальчика. И что-то ещё. Одиночество. Острое, как лезвие.

Птица в моей груди взметнулась и забилась в истерике. Мне захотелось подбежать к нему. Сказать... я не знала что. «Мне жаль»? «Я здесь»? Это было безумием. Я стояла, потная, с пылью на подоле дорогого платья, и смотрела, как он берёт тряпку и начинает методично, с каменным лицом, вытирать металлические части сбруи.

Я так и не подошла. Не посмела. Я украдкой наблюдала за ним ещё несколько минут, а потом так же тихо, как пришла,

выскользнула обратно на палящее солнце.

То ли давешний дождь, то ли постоянно напряжённые нервы – но что-то во мне сломалось. К вечеру у меня запершило в горле, а к ночи поднялся жар. Тело ломило, в голове гудел туман, солнце за окном давно сменилось тьмой. Ко мне вызвали лекаря. В бреду мне мерещились его полные усталости глаза. Я бормотала что-то о солнце и конюшнях. Мама сидела у моей кровати, её лицо было жёстким от беспокойства и... разочарования.

Наутро, когда жар немного спал, в комнату вошёл отец. Он выглядел серьёзным и озабоченным.

– Лира, – начал он мягко, но твёрдо. – Ты понимаешь, что натворила? Ты, наследная принцесса, бегала одна по жаре, в служебные помещения, слегла... Из-за чего? Из-за коня?

Я молчала, глядя на свои руки, что лежали поверх одеяла. Лгать ему прямо в лицо я не могла.

– Я... мне было нужно проверить, – пробормотала я.

– Проверить можно с охраной и без этой сумасшедшей гонки, – папа сел на край кровати. – Элвис говорит, ты была странная последние дни. Рассеянная. Я думал, Академия тебе на пользу. Но, видимо, я ошибся.

Сердце у меня упало. Я уже понимала, какими будут его следующие слова. Попыталась его остановить:

– Папа, нет... я...

– Ты ещё ребёнок, Лира. И ты – наследная принцесса нашего королевства. Единственная наследница. Твоё здоровье,

твоя безопасность – важнее любых уроков. Пока ты не научишься благоразумию, занятия будут проходить только во дворце. Мы вернёмся в столицу, как только ты окрепнешь.

Протест, мольба, отчаяние – всё это поднялось во мне комом. Но я знала этот тон. Решение было принято. Его не оспоришь.

Через неделю, когда я ещё была слаба, но уже могла сидеть в карете, меня увозили из Академии. Я сидела у окна, завернувшись в лёгкую шаль, и смотрела на удаляющиеся шпили. Солнце, мой невольный союзник в моей провальной аванюре, светило всё так же ярко.

И тут, на самой дальней стене, окружавшей Академию, я увидела одинокую фигуру. Невысокую, в сером. Он стоял неподвижно, глядя на наш кортеж. Расстояние было огромным, я не могла разглядеть его лица. Но я *знала*, что это он. Он смотрел на меня. И, кажется, провожал.

Карета повернула за поворот, и его фигура скрылась из виду. Я откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза. В груди не было ни боли, ни даже тоски. Была пустота. Холодная, огромная пустота, в которой эхом отдавался звон того самого хрустального бокала. Только теперь он звучал как погребальный колокол.

Игра в охотника закончилась. Меня увезли из леса. Но моя непойманная добыча – его образ, его взгляд, его одинокая фигура на стене – навсегда осталась со мной. Запертая внутри, вместе с этой новой, ледяной пустотой. И с понима-

нием, что я сама, своим безрассудством, отрезала себя от того единственного места, где он был.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ТОСКА

Глава 4. Узоры из пыли

Дворец встретил меня не просто стенами. Он встретил меня тишиной. Не мирной, а густой, выглаженной, как дорогая бархатная подушка, на которую аккуратно уложили мою прежнюю жизнь и придавили крышкой. Шум Академии, гул голосов в столовой, скрип перьев в библиотеке, отдалённые крики с тренировочных полей – всё это сменилось мерным тиканьем напольных часов в коридоре, шелестом страниц, которые переворачивала фрейлина, и приглушёнными шагами слуг в войлочных тапочках.

Мои дни обрели железный ритм, выверенный до минуты.

Утро: История с магистром Вейлоном. Сухой, как осенний лист, старик, который видел в королях и битвах лишь схемы для запоминания. Я слушала, кивала, отвечала безупречно. А в голове примеряла каждую тактическую дилемму, каждое решение полководца: «А что бы сделал *он*?» Не король Элрик или герцог Тарриан. А тот мальчик со стены. Как бы он поступил, оказавшись в ловушке у Перекрёстка? Отступил бы? Прорвался? Нашёл третий путь, неочевидный и дерзкий? Мысленные ответы приходили сами – обычно это был самый прямой, самый жёсткий, но и самый честный ва-

риант. И это пугало меня своей ясностью.

День: Языки. Староэлевейнский, торговое наречие, моркраунский диалект. Учитель хвалил мой слух и память. Особенно легко мне давался моркраунский. Гортанные звуки, которые другим резали слух, ложились на язык будто родные. Я ловила себя на том, что вполголоса повторяю старые пастушьи песни, которым учил нас преподаватель, и в груди снова щемяще отзывался тот самый звон. Я стала искать книги о Моркрауне. Не официальные хроники, а записки путешественников, сборники легенд, описания обычаев. Я изучала их, как шпион, искала в них... его. Отзвук той земли, что взрастила его суровую прямоу.

Вечер: Музыка и «изящные искусства». Арфа стояла в углу комнаты как укор. Я касалась струн, и они издавали правильные, благородные звуки. Но музыки не было. Была техника. Я играла сложные сонаты, а в ушах стояла тишина его взгляда. Герцогиня Амелия пыталась научить меня вышивать гербы. Иголка в моих пальцах становилась непослушной, а взгляд раз за разом соскальзывал на узор из причудливых корней на обложке книги по геральдике – я выпросила её из библиотеки. Это дерево казалось мне бесконечно более живым и важным, чем стебли роз на канве.

Физически я была здесь. В солнечных залах, за столом, уставленным фарфором. Но внутренне – я была там. В пыльном луче света в конюшне. У его ног, где лежала разобранная сбруя. На стене, с которой он смотрел мне вслед.

Отец наблюдал. Он видел мою безупречную учёбу и моё ледяное отстранение. Иногда за обедом он пытался завести разговор:

– Герцог Тарриан прислал донесение. Говорит, на границе снова беспокойно. Кассиан усиливает патрули.

Я поднимала глаза от тарелки.

– Кассиан боится, – говорила я, и мой голос звучал ровно, безразлично. – Усиление патрулей – это демонстрация силы, которая нужна тому, кто чувствует слабость. Он тратит ресурсы на показную мощь. Это ошибка.

Отец смотрел на меня с невыразимым чувством – смесью гордости и тревоги.

– Ты стала много читать о военном деле, солнышко.

– Чтобы понимать мир, в котором я буду править, нужно понимать, как его ломают и как собирают, – парировала я, снова отводя взгляд к окну. Это была не детская обида. Это была **позиция**. Я строила стену из собственной компетентности, за которую можно было спрятать кровоточащую рану.

Мама пыталась иначе. Она приходила в мои покои, садилась рядом, гладила по волосам.

– Тебе скучно, Лира? Хочешь, устроим небольшой приём? Пригласим молодых дворян? Граф Элдрин привёз своего сына, он всего на два года старше, очень воспитанный мальчик...

– Нет, мама, спасибо, – я отвечала с холодной, вежливой улыбкой. – У меня завтра сложный урок по экономике. Мне

нужно подготовиться.

Молодые дворяне, их напудренные парики, заученные комплименты и робкие взгляды вызывали во мне лишь острую, почти физическую тошноту. Рядом с их картонным совершенством призрак того молчаливого, неудобного, **настоящего** мальчика становился лишь ярче.

Самым страшным были **ночи**. Не потому, что было темно. А потому, что исчезал последний контроль. Во сне ко мне приходили не образы, а **ощущения**. Я не видела его лица. Я чувствовала **тепло** – то, что исходило от его плеча в пыльном луче солнца. Я чувствовала **запах** – смесь кожи, конского пота, чистого металла и чего-то горького, похожего на дым. Я слышала не голос, а **ритм** – ровное, спокойное биение сердца, которое почему-то казалось знакомым, будто я засыпала под этот стук ещё до рождения.

А потом приходило другое чувство. **Потеря**. Острая, режущая, как если бы у меня отняли часть легкого, и я не могла дышать полной грудью. Я просыпалась с этим чувством, с одышкой и с мокрым от слёз лицом. И лежала в темноте, глядя в потолок, пока ледяная маска принцессы не собиралась обратно по кусочкам.

Однажды утром, разбирая старые книги в библиотеке, я нашла в одной из них засохший цветок. Простенький синий колокольчик, давно утративший цвет и запах. Кто-то когда-то давно использовал его как закладку. Я взяла его в руки, и что-то дрогнуло во мне. Это было хрупкое, ненужное

свидетельство чьей-то мимолётной привязанности. Чьей-то тоски.

Я не выбросила его. Я аккуратно положила в маленькую серебряную шкатулку для украшений. Теперь у меня было два сокровища: сухой цветок и призрачный образ мальчика в сером. Оба одинаково недосыгаемые. Оба одинаково **мои**.

Я училась. Я выросла. Я становилась идеальной принцессой с холодным умом и безупречными манерами. Но под этим идеальным слоем, как под гладью замёрзшего озера, клубилось и росло что-то иное. Не детская инфантильная грусть. **Тоска**. Тоска по чему-то, что я едва успела коснуться и тут же потеряла. Тоска, которая не ослабевала, а закалялась, превращаясь в стальную струну, натянутую где-то глубоко внутри. Она не звучала. Она **вибрировала**. Тихим, неумолимым гулом, напоминанием о том, что где-то там, за стенами дворца, существует другая правда. И моё место – рядом с ней. Рядом с ним.

Просто пока что все дороги к этой правде были наглухо заперты. А ключ – та самая одинокая фигура на стене – оставался по ту сторону.

Глава 5. Беспокойная кровь

Сны стали моими тайными союзниками и мучителями.

Днём я была прилежной ученицей. Отвечала чётко, держала спину прямо, а мысли в строгом порядке. Но ночью этот порядок рушился. Время в снах текло иначе – не линейно, а как всполохи света в темноте. Я не видела картин. Не было лиц, комнат, узнаваемых мест. Были... ощущения.

Но чаще всего – запахи.

Запах мокрой хвои, влажной земли и камня, прогретого за день. Запах, от которого щекочет в носу и становится так странно спокойно на душе, будто вернулась домой после долгой дороги. В тот дом, которого у меня никогда не было. К этому запаху примешивался другой – выдубленной кожи, воска и металла, холодного, но не враждебного. Будто старый, надежный меч в ножнах лежит рядом на камне.

А потом – чувство. Полной, абсолютной безопасности. Той, что не нужно ничем обеспечивать. Она просто есть, как земля под ногами. Как будто рядом кто-то стоит. Большой, сильный, незыблемый. И его одного достаточно, чтобы весь мир стал надёжным и простым. В этом сне-ощущении я была маленькой. Совсем крошечной. И меня оберегали. Любили, даже не говоря об этом.

Именно от этого я просыпалась.

Не сразу. Сначала приходила потеря. Острая, физическая,

как удар ножом под рёбра. Будто то самое незыблемое присутствие вдруг вырвали, оторвали с мясом. Оставалась дыра. Вихревая, ледяная пустота, которая тянула внутрь всё – воздух, свет, покой.

Я вскакивала на постели, задыхаясь, с бешено колотящимся сердцем. Руки дрожали. Я хваталась за горло, будто мне перекрыли дыхание. В глазах стояли слёзы, но плакать я не могла. Только сидела, сгорбившись, и пыталась вдохнуть, пока холодный пот стекал по спине.

А потом – стыд.

Дикий, жгучий стыд. Что это было? Почему я, почти уже взрослая девушка, наследная принцесса, вижу такие детские, такие жалкие сны? Почему тоскую по какому-то призрачному чувству безопасности, которого у меня, по сути, никогда и не было? У меня есть отец. Мать. Дворец, стража, целое королевство. Но во сне этого не хватало. Требовалось что-то другое. Что-то... древнее. И бесконечно далёкое.

Стыдилась я и того, что первым делом после пробуждения, ещё до того, как отдышаться, я искала в памяти не отца, а... его. Тот взгляд в толпе. Тот силуэт на стене. Будто моё подсознание ставило знак равенства между мальчиком-служгой и тем ощущением абсолютного покоя. Это было возмутительно. Унизительно.

Я пыталась бороться. Заставляла себя перед сном повторять генеалогию элевейнских родов или сложные дипломатические формулы. Надеялась, что усталость мозга выключит

чит эту nepотpeбнyю чyвствительность. He пoмoгaлo. Cны пpиxoдили вcё pавнo. A нaутpo я cнoвa злилacь нa ceбя зa coбcтвeннyю cлaбocть.

Ho oднaжды yтpoм, oтпивaя ocyвщивший чaй и глядя нa тyмaн зa oкнoм, мeня ocенилo. Этo былo нe cлaбocть. Этo был cимптoм. Пpизpачнaя бoль в aмпyтиpoвaннoй кoнeчнocти. Знaчит, чтo-тo былo oтнятo. Чтo-тo peальнoe. He пpocтo плoд мoей вocпaлённoй фaнтaзии.

И ecли этo чтo-тo былo peальным, o нём мoжнo былo нaйти cвeдeния.

C этoгo дня мoё oтнoшeниe к зaнятиям измeнилocь. Oни пepecтaли быть кaтoргoй. Oни cтaли... paccлeдoвaниeм. Я cлyшaлa мaгистpa Вейлoнa нe пpocтo для гaлoчки. Я выиcкивaлa в eгo cyxих пoвecтвoвaниях o бpачных coюзax и дoгoвopax нaмёки нa нeoбычнoe. Bчитывaлacь в кaждoe yпoминaниe Мopкpaунa. Зaмeтилa, чтo пocлe тpагичecкoй гибeли Элиaнa Вильяpиoнa вce дoкyмeнтa oб oтнoшeнияx двyx кoрoлeвств cтaли yдивитeльнo cкyпы, cлoвнo ктo-тo пpoшёлcя пo ним гycиным пepoм, вымapывaя нeудoбные дeтaли.

Я нaчaлa рытьcя в apxивax. Cнaчaлa ocopoжнo, пoд пpeдлoгoм пoдгoтoвки к ypoкaм иcтopии. Пoтoм вcё нacтoйчивee. Cтapый apxивapиyc, Cигизмyнд, cнaчaлa вopчaл, видя, кaк я пepeтaскивaю тязёлыe фoлиaнты, пoкpытыe вeкoвoй пылью. Ho я вeлa ceбя бeзyпpeчнo: в бeлыx пepчaткax, aккypaтнo пepелиcтывaя cтpаницы. И вoпpocы зaдaвaлa нeглyпые.

– Mагистp Cигизмyнд, a пoчeмy в дoгoвope 312 гoдa ecть

ссылка на «древний и нерушимый залог крови», но сам текст этого «залога» ни в одном приложении не приведён?

Старик хмурился, поправлял очки.

– Много чего было утеряно в Смутные времена, Ваше Высочество. После переворота в Моркрауне... много документов сторело. Или было изъято.

– Изъято кем? – не отступала я.

Он лишь разводил руками, и во взгляде его мелькало что-то вроде страха. Мне это было знакомо. Такой же страх я видела в глазах отца, когда заговаривала о чём-то, связанном с нашими северными соседями.

Я углубилась в магические трактаты. Не те, что для светских дам, с рецептами любовных отваров, а старые, пахнущие плесенью и ладаном фолианты по династической магии. Язык был архаичным, сложным. Но я упрямо продиралась через дебри заклинаний и ритуалов. И обнаружила, что магия крови – не метафора. Это самая мощная, самая древняя и самая опасная из связей. Ею скрепляли не просто договоры. Ею связывали судьбы. Навсегда.

Идея меня не пугала. Наоборот. Она давала объяснение. Тому щемящему чувству узнавания. Той тоске по дому, которого не знала. Тем снам, которые были не фантазией, а... эхом. Отзвуком настоящей связи.

Но вместе с объяснением пришла новая буря чувств. Если это правда, если меня с кем-то связали магически, ещё в колыбели... то где он? Кто он? Почему я одна несу эту тос-

ку, а его нет рядом? Он мёртв? Или его, как и упоминания о «залогe крови», просто... изъяли из моей жизни?

Я закрывала книгу, прижимая ладони к гладкому переплёту. Сердце сжималось уже не от стыда, а от гнева. Тихого, холодного, созревающего где-то в глубине.

Значит, мои чувства, эта бессмысленная тяга к мальчику в сером, эти сны – всё это могло быть не моим? Всего лишь исполнением какого-то древнего заклатья? Моя тоска, моё смятение, это щемящее чувство потери – всего лишь программа, вшитая в кровь?

От этой мысли становилось невыносимо горько. Будто у меня украли самое ценное – право на собственные, настоящие чувства. Даже если они были болезненными и неудобными, они всё же были *моими*. А теперь выходило, что и они могли быть частью чьего-то давнего политического расчёта.

Я сидела в луче пыльного света в архиве, и внутри меня кипела тихая буря. Гнев на неизвестных магов и правителей, которые распорядились моей душой. Горечь от возможной фальши собственного сердца. И под всем этим – упрямая, непокорная искра.

Нет. Я не позволю. Не позволю какому-то старому ритуалу решать за меня. Если связь и правда есть – я найду её конец. Я узнаю правду. И тогда уже сама решу, что с ней делать.

Сжигать на костре как ненавистные цепи или же... обернуть в свою силу.

Но для этого нужно было знать всё. И я продолжала рыть-

ся в архивах, уже не как рассеянная девочка, а как исследователь, идущий по следу. Следу собственной, возможно, украденной судьбы.

Глава 6. Исповедь отцу

Я вошла в кабинет в тот час, когда деловые визиты уже заканчивались, но вечерние советы ещё не начинались. Его Величество стоял у окна, глядя в опускающиеся сумерки. Услышав мои шаги, он обернулся. Я сделала положенный реверанс и поднялась, увидев нетерпеливый жест. Отец не любил церемоний, когда мы наедине. Но сегодня я не должна была расслабляться. Поэтому решила держаться официально.

– Ваше Высочество. Вы ищете меня? – он всё же принял мою игру. Уголки моих губ чуть дёрнулись, но даже мне самой эта улыбка показалась слишком грустной.

– Итак, какой у тебя ко мне вопрос? – не дождался он моего ответа.

Его голос был ровным, но во взгляде – та внимательная забота, которую он никогда не показывал при дворе, но слишком часто позволял себе проявлять при наших личных аудиенциях.

Я снова сделала небольшой, почти незаметный реверанс.

– Мне нужен ваш совет, Ваше Величество. Но не как правителя. Как отца.

Он кивнул, жестом приглашая сесть. Я заняла место в кресле напротив, сохраняя ту достойную осанку, которую во мне воспитывали с детства. Руки лежали на коленях, я ста-

ралась сидеть спокойно, но пальцы левой руки всё время неровили ухватиться за правую.

– Я не знаю, как правильно сказать... – мой голос дрогнул, и я всё же сжала руки в замок, изо всех сил желая, чтобы они не тряслись. – Во мне есть чувство, которое не уходит. Оно... преследует меня. Даже когда всё спокойно.

Он внимательно смотрел на меня, ожидая, что я скажу дальше.

– Это ощущение незавершённости. Как будто я жду чего-то, что должно произойти, но не знаю что. – Я сделала паузу, собираясь с духом для самой трудной части. – А по ночам... приходят не сны. Ну... Не обычные сны, а... Скорее, воспоминания ощущений. Тепло. Запах дождя в хвойном лесу. Чувство абсолютной защищённости. А затем... резкая потеря. Я просыпаюсь с физической болью здесь. – Я слегка коснулась пальцами области сердца. – Как будто что-то отняли. Что-то настоящее.

Я умолкла, наблюдая за его лицом. Видела, как исчезла обычная мягкость, как взгляд стал сосредоточенным и... тяжёлым. Он не выглядел удивлённым. Он выглядел так, будто узнал что-то давно ожидаемое.

– Лира, – произнёс он наконец, и в его голосе прозвучала та самая нота, которую я слышала только в самые серьёзные моменты. – То, что ты описываешь... это не болезнь. И не фантазия.

– Тогда что же это? – спросила я, и моя безупречная вы-

держка дала трещину. В голосе прозвучала та самая девочка, которая просыпалась ночью в слезах. – Почему это причиняет боль?

Он отвел взгляд в сторону, к темнеющему окну. Его пальцы слегка постучали по ручке кресла – единственный признак внутреннего беспокойства.

– Есть вещи, которые мы делаем не для себя. Иногда – даже не для своего времени. – Он говорил медленно, будто взвешивая каждое слово. – Некоторые решения отзываются эхом в будущем. В дорогих нам людях. В тех, кто идёт следом. То, что ты чувствуешь... возможно, и есть это эхо.

Это были красивые слова, но пустые. Они ничего не объясняли о запахе чужого леса в моих снах. Не объясняли щемящего чувства потери при пробуждении.

– Это эхо... оно связано со мной лично? С моим будущим? – не унималась я.

Он повернул ко мне лицо. В его глазах сейчас я видела не короля, а отца, что несёт на плечах неподъёмную тяжесть.

– Это эхо... Оно связано с твоим предназначением, дочь. С долгом, который выше личных чувств. Частью этого долга... является терпение. И вера в то, что когда-нибудь всё встанет на свои места.

«Долг». «Предназначение». «Терпение». Эти слова падали между нами, как камни, заваливая путь к настоящему разговору. Он обезличивал мою боль, превращая её в абстрактную «миссию».

– И этот долг... он как-то связан с теми старыми договорами? С теми, о которых остались лишь упоминания в архивах? – спросила я, уже без какой-либо надежды.

Он вздрогнул, будто я коснулась открытого нерва. Вся его поза изменилась, стала официальной, отстранённой.

– Архивы содержат многое, что не предназначалось для твоего изучения, – прозвучало твёрдо, без возражений. – Прошлое должно оставаться в прошлом. Доверься мне в этом, Лира. Когда настанет время – ты будешь готова узнать всё. А сейчас твоя задача – готовиться. Учиться. Становиться сильнее.

Это был не совет. Это был приказ короля. Вежливый, но непререкаемый. Приказ перестать спрашивать.

Я сидела, глядя на сильного, мудрого мужчину, который является не только моим отцом, но и государем, повелителем, и чувствовала, как между нами вырастает стена. Не из гнева – из той правды, которую он отказался разделить со мной.

Медленно, сохраняя всё достоинство, на которое была способна, я поднялась. Ноги немного дрожали, но я выпрямила спину.

– Благодарю вас за совет, ваше величество, – сказала я ровным, бесцветным голосом, который получался у меня лучше всего, когда внутри всё переворачивалось. – Я постараюсь следовать ему.

Я сделала безупречный реверанс – не слишком глубокий,

но безукоризненно точный – и повернулась к выходу. Он хотел что-то сказать – я видела это в его глазах, – но слова так и не прозвучали.

Я вышла за дверь, которую тут же затворили стоящие за ней гвардейцы.

Пройдя чуть дальше по коридору – туда, где никто не мог бы заметить моей слабости, я остановилась, прислонившись к прохладной каменной стене. Внутри была та самая пустота, о которой я ему говорила. Только теперь она наполнилась новым, горьким смыслом: я только что потеряла веру в то, что мой отец спасёт меня от моих собственных тайн.

Теперь они оставались только моими. И нести их предстояло мне одной.

Глава 7. Ловушка правды

Лето в тот год цеплялось за дворец жаркими, ленивыми днями. Воздух в главной библиотеке стоял неподвижный, густой от запаха нагретой бумаги. Я пришла за книгой по моркраунской геральдике, но попала в самую суету: старый библиотекарь Сигизмунд и два помощника перетаскивали стопки фолиантов, готовя что-то к отправке в загородную усадьбу.

– Ваше Высочество, простите беспорядок, – пробормотал Сигизмунд, едва кивнув под тяжестью книг. – Ревизия... освобождаем полки...

Я посторонилась, пропуская помощника библиотекаря с огромной пачкой бумаг в холщовых папках. Одна папка, перевязанная лентой, распустилась прямо у моих ног. Листы, пожелтевшие и хрупкие, веером рассыпались по темному дубовому полу. Помощник, покраснев от смущения, бросился их собирать.

Я уже сделала шаг, чтобы обойти это маленькое наводнение из прошлого, как мой взгляд зацепился за клочок выскользнувшего пергамента. Не внушительный документ с печатями, а маленький, изящный листок, исписанный мелким, женским почерком. И наверху, словно выведенное для меня одной, стояла дата – год моего рождения.

В груди что-то ёкнуло – тихо, но отчётливо. Как струна,

которую задела в соседней комнате.

Не раздумывая, я присела на корточки, подобрав складки платья быстрым, неловким движением, – моя учительница этикета наверняка лишилась бы чувств при таком зрелище. Но сейчас это не имело значения. Кончиками пальцев я подцепила тот самый листок. Он оказался частью тонкой книжечки в потёртом синем сафьяне, выпавшей из распавшейся папки. Я бережно вытащила её из-под груды других бумаг. Книжечка лежала в ладонях лёгкая и тихая, будто ждала этого момента много лет.

– Это тоже увозите? – спросила я, поднимаясь и захлопывая книжку, но уже не выпуская находку из рук.

Сигизмунд, нагруженный новой стопкой, мельком взглянул на подобранную мною книжечку.

– А, дневники фрейлины королевы-матери, Ваше Высочество. Личные бумаги. Исторической ценности не представляют, но выбросить... как-то неловко. Пусть хранятся.

Он поспешил дальше, а я осталась стоять посреди библиотечного хаоса, прижимая к груди холодный сафьян. «Личные бумаги». То, что не представляло ценности для архива. Может быть, поэтому в ней и сохранилась правда.

Я не открыла её сразу, а отнесла к своему любимому столу в нише у окна, где свет падал ровными золотистыми квадратами на дубовую столешницу. Распутала шёлковые давно выцветшие завязки и с тихим шелчком открыла переплёт. А затем начала листать, сердце глухо стучало где-то в горле,

пока не нашла ту самую дату...

Поначалу это было скучно. Описания приёмов, оценки нарядов, мелкие обиды... Почерк был красивым, но усталым. Я уже собралась закрыть книгу, когда перелистнула на страницу, помеченную годом моего рождения. И замерла.

«...призваны были сегодня ночью в Зал Предков. Никогда не видела такого молчания – будто сам воздух застыл. Два короля стояли у алтаря. Он держал своего мальчика, наш Государь – нашу крошку Лиру. Месяц ей всего... Архимаг Элмон совершал древний обет, союз кровей. Видела, как светилась нить между их маленькими сердечками. Наша девочка лишь сморщила носик, а тот мальчик всё время спал. Странное и страшное дело. Говорят, так будет прочнее любого договора. Молюсь, чтобы этот союз принёс мир, а не новое горе. Что-то щемит на душе...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.